Юртаев В.И.[1]

К ВОПРОСУ О РОЛИ РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ[2]

Ключевые слова: *принципы евразийской интеграции, целостная идеология, полицивилизационность, Россия, Иран.*

Keywords: *principles of Eurasian integration, a holistic ideology, multicivilization, Russia, Iran.*

Переход Российской Федерации к проведению активной восточной политики (с 2016 г.) поставил ряд важных исследовательских вопросов. Прежде всего, возможны ли общие принципы, приемлемые для всех стран Евразии, для осуществления евразийской интеграции? Этот вопрос тем более закономерен, что страны Евразии реализуют разные миссии. Страны Европы обустраивают демократическое, светское общество, основанное на основных христианских принципах и понятиях демократии, свободы, равенства, процветания, отказа от национальных границ в рамках Европейского союза. Страны мира ислама, реализуя общую исламскую миссию в рамках Уммы (община одна), не отказываются от национальных границ. Позиция Ирана, провозглашенная основателем нынешней идеологии Исламской республики имамом Р. Хомейни известна по формуле «Ни Запад, ни Восток». Наконец, отметим историческую претензию России на самобытное мессианство и готовность Китая взять на себя историческую ответственность за судьбу развития мира.

Мы видим, как на территории Евразии складываются и развиваются объединения разной конфигурации. ЕС проводит политику вбирания в себя всех стран Европы с целью создания мощного экономического базиса, который позволит уверенно защищать европейские ценности. Менее успешным является СНГ, поскольку политика разделения оказалась невозможной в экономической сфере, потому что невозможно было сразу уничтожить созданную в СССР экономику целостности, обрушить ее кооперационные связи. Поэтому сейчас в ЕС политика собирает экономику, а в СНГ наиболее удачно реализуется экономическая интеграция.

Пример Шанхайской организации сотрудничества показывает, что на общей проблеме безопасности и интереса к противодействию международному терроризму начинает возникать более широкая интеграционная надстройка.

АСЕАН и АТЭС – для них ключевым является вопрос о лидерстве ряда держав в регионе, обеспечения политического и экономического лидерства на субрегиональном уровне в Евразии, чтобы иметь вес при определении глобальной повестки дня, подобно США, КНР, ЕС и др.

Наконец, отметим новый формат интеграции, когда три страны Евразии решили выстроить трансрегиональную/континентальную интеграцию в рамках международного объединения БРИКС.

Что касается евразийства, то оно может рассматриваться 1) как возможная целевая идеология, направленная на развитие ЕАЭС. В этом случае евразийство потенциально может стать основанием одной из версий стратегии построения многополярного мира; 2) как методологический подход в международных отношениях и в этом случае этот подход может быть положен в основание внешней политики государства в случае, когда речь идет о формировании кластера в международных отношениях, например, при реализации проекта полицентричного мира/многополярной глобализации.

Где же те самые **общие принципы,** которые могут быть положены в основу евразийской целостности и стать основанием интеграции?

Первое. Суверенитет, национальная безопасность, независимость, территориальная целостность. В Евразии все страны в международных отношениях стремятся сохранить приверженность к соблюдению таких принципов как суверенитет, национальная безопасность, независимость, территориальная целостность. Все эти позиции закреплены в действующем международном праве. Здесь важно увидеть, что это не является отличием стран Евразии от всего остального мира.

Второе. Консенсус. Опыт интеграции в Евразии и с участием стран Евразии (ШОС, БРИКС, АСЕАН, ЕАЭС) показывает важность принципа консенсуса в принятии решений. Но этот принцип действует и в ООН, в Совете Безопасности ООН, а также в специализированных международных организациях. Это тоже не является спецификой только Евразии. Важно отметить также, что хотя это и не специфический евразийский принцип, но принцип консенсуса хорошо применим именно в условиях полицивилизационности евразийского пространства.

[1] Юртаев Владимир Иванович – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: vyou@yandex.ru

[2] Доклад на I Евразийском аналитическом форуме. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Третье. Экономическая независимость. Неравномерность распределения ресурсов предполагает заинтересованность в евразийской интеграции, поскольку возвращает экономическую независимость странам, которые все заметнее затягиваются в пространство национальных интересов США.

Работают на интеграцию и факторы неравномерности распределения природных ресурсов и потребности в них (вода, минерально-сырьевые ресурсы, климат, рельеф, выход к морю), возрастание значимости которых можно признать одним из стратегических трендов развития на евразийском пространстве.

Проблемы интеграции

На пути к евразийской интеграции предстоит найти ответы на следующие ключевые вызовы современного этапа исторического развития мира:

1) актуализация континентальной (сухопутной) парадигмы геополитики и связанных с ней геополитических сценариев, что требует кардинального пересмотра реализуемых и выработки новых стратегий действий;

2) наличие геополитического плюрализма на постсоветском пространстве, что создает проблему совмещения интересов участников в рамках каждого в отдельности интеграционного процесса и в целом в масштабе Евразии;

3) возрастающая неоднородность экономик стран Евразии (разные темпы экономического роста и уровень экономического развития), что становится все более неотлагательной задачей в евразийской Повестке дня, в целом способствуя ориентации на интеграцию;

4) дифференциация регионов и стран по демографическому показателю, что во многом предопределяет готовность общества и населения к переменам.

В определенном смысле роль драйверов интеграции могут сыграть такие факторы как неравнозначный оборонный потенциал, разнотипность власти, неравномерность распределения населения и др.

Общая евразийская система безопасности

Еще один существенный момент. Предполагает ли экономическая интеграция Евразии как необходимое условие для своей реализации создание общей евразийской системы безопасности? Несмотря на всю турбулентность и конфликтный потенциал региона, на данном этапе ответ – «нет». Действительно, сам характер вооружений не препятствует экономической интеграции, как об этом свидетельствует опыт Европы. Когда лидеры европейских стран (Франции и др.) говорят о своих силах безопасности, они не теряют экономические связи с США и свою региональную идентичность. Как представляется, проблему развития военно-технического сотрудничества можно и должно решать в рамках двусторонних отношений. Но вопрос оборонной интеграции надо вывести из текущей Повестки дня евразийской интеграции. Характерной в этой связи выглядит позиция министра иностранных дел России С.В. Лаврова: «Нашим безусловным приоритетом остается содействие естественным процессам формирования Большого Евразийского партнерства – широкого интеграционного контура от Атлантики до Тихого океана … Последовательное движение в этом общем созидательном направлении позволит не только обеспечить динамичное развитие национальных экономик стран-участниц, устранить барьеры на пути товаров, капиталов, рабочей силы и услуг, но и создаст прочный фундамент безопасности и стабильности на обширных пространствах от Лиссабона до Джакарты»[1].

Фактор идентичности

Насколько факторы геополитики и культурно-цивилизационной идентичности могут ограничить или стать основанием для более тесного сближения стран Евразии? Как соединить геополитическое и цивилизационное измерения Евразии в целостной идеологии и эффективной практике? Насколько фактор культурно-цивилизационной идентичности может ограничить или стать основанием для более тесного сближения стран Евразии? Как, например, соотнесут себя с евразийством лидеры регионов Евразии – Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии, Ближнего Востока и Европы?

Рассмотрим в качестве примера позицию Ирана, который провозглашает себя не Западом и не Востоком. Как отмечали иранские исследователи, *«евразийство» позволяет в качестве концепции:*

– «представить Россию как региональную сверхдержаву и глобальную силу в международных отношениях;

– определить и выразить национальные интересы и цели России как глобальной силы и обосновать ее продвижение к этим целям;

– обосновать созидающую и активную роль России в мировом пространстве, усиливая ее воздействие на глобальном уровне и во взаимодействии с ведущими державами мира;

– углубить и расширить влияние России, обеспечивая улучшение ее геополитического положения в регионе и место в архитектуре мирового порядка;

– создать контур и среду для сотрудничества и взаимного притяжения в отношениях России с региональными и внерегиональными игроками из Европы и Азии, что усилит Россию как актора в международных делах» [2].

[1] Лавров Сергей. Формирование Большого Евразийского партнёрства остается приоритетом России. 20.09.2019. – https://ria.ru/20190920/1558871965.html

[2] Россия и Иран в свете теории евразийства. 14.11.2018. – parstoday.com/ru/news/Russia-i95712

Однако, признавая евразийство как возможную идеологию для участия России в евразийской интеграции, свой путь Тегеран выстраивает на иных основаниях и принципах. Анализ современных действий Ирана на мировой арене показывает, что Тегеран проводит многовекторную, многослойную внешнюю политику, важнейшими характеристиками которой являются целостность и комплексность. На евразийском уровне Тегеран пытается создать тройственный союз Китай – Иран – Россия. На региональном уровне в Иране в качестве желательного рассматривают движение в сторону формирования «Большой Центральной Азии», включающей в себя также Пакистан, Афганистан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан и Кыргызстан. Основанием такой интеграции должна стать якобы сохраняющаяся принадлежность региона к ирано-исламскому цивилизационному ареалу, что говорит о ставке на использование фактора геокультурной ориентированности в Большой Центральной Азии.

Иран предпринимает усилия к созданию геополитического союза с Индией и Пакистаном с целью контроля над Афганистаном путем активных трехсторонних переговоров или «треугольной дипломатии». В Центральной Азии идут переговорные процессы Ирана, прежде всего, с Таджикистаном, Арменией, Россией.

Временное объединение усилий Ирана, России и Турции в сирийском конфликте можно рассматривать и как возможный пример создания межцивилизационного зонтика в регионе Западной Азии.

Сохраняет свою актуальность и геополитический треугольник Дамаск – Багдад – Тегеран.

Как явствует из приведенных примеров, в своей внешней политике Тегеран использует весь методологический арсенал – геополитику, геоэкономику, геостратегию, геокультуру, цивилизационную дипломатию и др. Очевидно, что возможная включенность Ирана в процесс евразийского движения потребует серьезной интеллектуальной работы по совмещению подходов и выработке общей идеологии интеграции как интегрированной целостности, то есть при сохранении идентичности стран-участниц.

В заключение следует отметить, что в Евразии есть и другие страны-лидеры, которые в ходе интеграции будут заинтересованы в усилении своих позиций, а не в уравнении их. Это, кроме Ирана, есть у Китая, у Японии, у России, у Франции и др., что делает данную группу стран более мотивированными в евразийской интеграции на самом раннем этапе.

Можно предположить, что странам Евразии предстоит стать пионерами создания и освоения новой архитектуры мирового хозяйства и международных отношений. Россия находится на перекрестье критических линий, образующих с древности матрицу Великого шелкового пути, на пространстве которого в XXI в. должна пройти сборка глобальной ячейки мирового хозяйства – Евразии.